

Альберт ИЗМАЙЛОВ

СЛОВО ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ

Три десятилетия назад ушел из жизни замечательный русский писатель Валентин Саввич Пикуль (1928—1990). Но остались его книги на русском и иностранных языках, суммарным тиражом более полмиллиарда экземпляров. Остался его богатейший архив.

Как надо любить своих литературных героев, чтобы писать о них как о живых. Да, они живут на страницах его книг: врач Илья Мамонтов, князь Борис Голицын, генерал Михаил Драгомиров...

В жизни каждой книги случайность порой определяет ее судьбу.

В городской библиотеке финского города Лахти на книжной полке русскоязычных книг я увидел книгу Валентина Пикуля «Миниатюры. Исторические новеллы». Рядом стояли русскоязычные тексты новелл финских писателей Юхани Ахо, Майю Лассила, Пентти Хаанпяя, Вейко Хуовинена...

Валентин Саввич в юности изучал финский язык, любил Финляндию, ее историю, финский народ.

Вейко Хуовинен, ровесник Валентина Пикуля, когда писал о войне («Трубка мира»), то становился сатириком, обличая милитаристские цели.

Валентин Пикуль после окончания школы юнг на эскадренном миноносце «Грозный» Северного флота воевал против немецких подводных лодок, конвоировал англо-американские караваны, доставлявшие грузы по «ленд-лизу». В 1945-м на борту миноносца «Грозный» участвовал в параде Победы на рейде Мурманска. Написал немало книг и новелл о войне, о русской истории.

«Писание миниатюр, — отмечал Пикуль, — процесс утомительный, берущий много времени и немало кропотливого труда. Так, например, миниатюру о художнике Иване Мясоедове в 15 машинописных страниц я писал 15 лет...».

Валентин Саввич создал новеллы о судьбе Карла XII после Полтавского сражения, о легендарном греческом борце за свободу и честь своего народа Ламбро Качиони, о Венере с острова Милоса, об освободителе финского народа от шведов русском майоре Якове Петровиче Кульневе, портрет которого хранится в Военной галерее 1812 года в Эрмитаже, о создателе флота США Поле Джонсе, которому чин адмирала вручили в России, когда он по приглашению российского вице-канцлера дал согласие посту-

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

пить на русскую службу. В чине контр-адмирала с именем, писавшимся по-русски «Павел Жонес», он, командуя русской эскадрой, громил на Черном море турок, сражался на Кинбурнской косе рука об руку с Суворовым против турок.

В литературных портретах его исторических личностей, отраженных событиях и суждениях не приходится сомневаться. Рецензентами его книг были известные ученые, доктора исторических, филологических наук.

Он был благодарен друзьям, в письмах которых видел дружескую критику отдельных исторических эпизодов из его книг. Однако когда эти книги вновь и вновь переиздавались, его друзья не находили исправлений тех исторических эпизодов, на которые они указывали автору.

Пикуль не любил возвращаться к написанному, уже изданному. Не хотел тратить на это время. Полагал, что, пройдя первый раз цензурные, редакторские, корректорские барьеры, текст не нуждается в исправлениях.

Валентин Саввич почти не читал опубликованных критических выпадов. Все удары критики принимала на себя его супруга, которая не все пересказывала мужу, оберегая его нелегкий творческий труд.

Настоящий писатель, утверждал Валентин Саввич, не пишет карандашом, только пером. И он писал литературную историю Отечества своим художественным пером «рондо».

* * *

В свое время, как писал Пикуль в одной миниатюре, послом прусских королей в Петербурге служил Отто Бисмарк фон Шенхаузен. Русскому языку его учил студент-юрист Алексеев. Нередко они говорили на политические темы. И Бисмарк отмечал: «Россия будет иметь великое будущее, а народ ее велик сам по себе...»

При канцлере Александре Михайловиче Горчакове Россия стала усиливаться. Александр Михайлович помнил слова своего друга-лицеиста Александра Сергеевича Пушкина о радости, славе, любви.

Бисмарк учился политической дипломатии у Горчакова.

В то время когда Пруссия была родиной матери русского императора Александра II, она могла делать на европейском политическом театре все, что ей вздумается. Но только при одном условии: при нейтралитете России.

В 1862 году Бисмарк покинул Петербург и был направлен послом Пруссии в Париж. Вернувшись в Берлин, став президентом, Бисмарк принялся вершить дела железом и кровью. Он разбил армию Дании, отняв у нее часть территории.

Горчаков не стал заключать военный союз с Пруссией, но и не стал мешать ей конфликтовать с Францией.

Горчаков знал, что Пруссия желает ослабить Австрию, Францию, Россию. И когда прусская армия вошла в Париж, Бисмарк короновал Вильгельма I в зеркальном зале Версаля.

Горчаков решил, что исторический момент наступил. Россия отказалась от соблюдения Парижского трактата 1856 года о том, что Черное море объявлено нейтральным. После заявления Горчакова возмущенные послы Англии и Австрии явились к нему, но российский канцлер твердо заявил, что Россия стояла и будет в веках стоять на Черном море. Бисмарку Горчаков твердо заявил: нам, русским, нужна сильная Франция.

Но Бисмарк ковал коварный план войны на два фронта: против Франции и России. И переговоры железных канцлеров Горчакова и Бисмарка в результате настойчивости и гибкости Горчакова предотвратили войну в 1875 году.

Но Бисмарк понял, что Россия «всегда будет камнем преткновения на путях германской агрессии». Позже Бисмарк предупреждал горячих на голову депутатов рейх-

стага: не забывайте, что у Германии бьется одно сердце — Берлин, у русских их два — Москва и Петербург.

* * *

У Валентина Саввича есть удивительная миниатюра о замечательном человеке — Михаиле Константиновиче Сидорове, романтике, дельце, патриоте. Он открыл богатства Сибири, золото, графит и давнюю русскую мечту — Великий Северный морской путь, коим ходить можно в Европу.

Сидоров организовал выращивание в зоне мерзлоты огурцов севернее Туруханска, экспонировал эту сельхозпродукцию на Всемирной выставке в Лондоне, а в своей обширной петербургской квартире демонстрировал дары Севера: жемчуг и серебро, графит и меха, нефть и сланцы, асбест и хрусталь, известняки и каменный уголь.

Сидоров утверждал: «Россия развернута своим „фасадом“ прямо в Арктику... Там ее будущее». И шхуны Сидорова шли через льды Карского моря.

Валентин Пикуль цитировал слова Сидорова: «Уважение к нашим морякам до того было велико... что даже дамы, являвшиеся для осмотра шхуны, награждали капитана своими фотографическими карточками и букетами и писал ему стихи о победе, совершенной над грозной стихией».

Сидоров вел разведку на реке Ухте в поисках нефти. И он нашел нефть. И первая скважина на Ухте была названа «Сидоровской».

И герой миниатюры, и сам автор одинаково мыслили и говорили: «Я не встречал ни в ком сочувствия к своей мысли, на меня смотрели как на фантазера, который жертвует всем своей несбыточной мечте. Трудна была борьба с общим мнением, но в этой борьбе меня воодушевляла мысль, что если я достигну цели, то мои труды и пожертвования оценит потомство».

Велик был человек мечтами и делами.

* * *

Привкус эпохи ощутим в строках Пикуля о выставке книгопечатного искусства в Лейпциге 1914 года.

Первые писатели мира писали свой рассказ об охоте, вырубая на скале сцены охоты.

И если покопаться в архивной пыли, пересмотреть сотни заметок, статей, портретов, то проявится некий образ человека, первого на Руси печатника книг — Николая Еремеевича Струйского. Владельца усадьбы и земель в Инсарском уезде Пензенской губернии, графомана и строчкогона, автора элегий, од, эротид, эпиграмм, эпиграмм, владельца крепостной типографии. Издания Рузаевской типографии соперничали с лучшими голландскими работами.

В настоящее время уникальных печатных книг Рузаевской типографии почти не найти: все они вывезены, проданы, перепроданы. За их внешним броским видом скрывалось бездарное содержание.

Национальные самобытные таланты есть повсюду, надо быть только внимательным и чутко слышать голос времени.

* * *

В Вене разведчику можно узнать все, если действовать через женщин.

Эту предысторию Пикуль раскрыл в детективной событийной миниатюре «Выстрел в отеле „Кломзер“». В ней рассказывается о работе разведки российского Генштаба в канун Первой мировой войны.

Завербованный русской разведкой офицер, некий «В», вел в Вене разгульную жизнь, на которую слеталась порочная и продажная публика.

Однажды в своем гостиничном номере господин «В» застал представителя учреждения, что «под аркою» Главного штаба на Дворцовой площади. Представителя интересовала личность некоего майора Альфреда Рэдля.

Господин «В» рассказал петербургскому гостю все, что знал, отметил, что Рэдль руководит агентурным бюро при австрийском генштабе и работает против России.

Вскоре русского разведчика под псевдонимом «В» сменил другой — полковник Марченко, который опутал Рэдля долгами, затем завербовал. Это было в 1902 году. Однако Рэдль работал и на Германию, и на Россию. Генштабисты Вены и Берлина изучали российскую армию.

И когда Рэдль провалился в 1913 году, об этом узнали почти все европейские газеты, сообщившие, что Россия имела своего агента в самом центре немецкого гнезда.

* * *

В одной новелле Пикуля изложена история о загадочной полярной империи где-то за островами Новой Земли, где зимовал Виллем Баренц. Но если пробиться сквозь льды, то откроется земля вечной весны.

Об этой таинственной земле рассказывал итальянский картограф и мореплаватель Себастьян Кабот в 1553 году.

Три корабля сэра Уиллоби ушли с Темзы на поиски этой загадочной полярной империи. Два корабля с мертвецами обнаружили в 1554 году у берегов Мурмана местные поморы.

И только третий корабль «Бонавентуре» («Добрая удача») с рваными парусами продолжал идти на север. Корабль дошел до Холмогор. Капитана корабля Ричарда Ченслера привечали поморы, доставили до Москвы, царь Московии Иван Васильевич устроил гостю пышное застолье, передал ему письмо для английского короля с добрыми словами и пожеланиями для торга.

Вернувшись в Лондон, Ченслер передал письмо Ивана IV Марии Тюдор и Филиппу II. В 1555 году была создана «Московская компания» для торговли с Московией. В Холмогорах, Вологде, Ярославле, Новгороде, Казани, Астрахани были созданы английские консульские конторы. Возник новый город Архангельск. «Московская компания», созданная в 1555 году, просуществовала до 1917 года, ведя англо-российскую торговлю.

* * *

Есть у Пикуля новелла об истории русской артиллерии. В ней приводятся строки из одной монографии: «Доблесть родителей — наследство детей. Дороже этого наследства нет на земле иных сокровищ... Каждый шаг, каждое деяние защитников Отечества запечатлевайте в памяти и сердцах детей ваших от самой их колыбели».

* * *

Когда Валентин Саввич писал о Цусимском сражении, он описывал переход нашей эскадры от Либавы до берегов Японии с остановками в иностранных портах. Все члены экипажей знали, что идут почти на верную смерть, но за весь переход был лишь один дезертир.

* * *

Много писал Пикуль об истории русского искусства, о художниках.

В церкви Измайловского полка можно увидеть образа, сделанные талантливым русским художником Алексеем Егоровичем Егоровым. Эти образа вначале разругал царь Николай II. Унизил художника, обязал его вернуть выданный аванс, разорил живописца, а затем сам повелел повесить образа в церкви.

Русского «Рафаэля» Алексея Егорова похоронили на Смоленском кладбище в Петербурге. Позднее искусствоведы писали о Егорове так: «Егоров понимает героизм не как поединок с врагом, а как стоическое терпение, отрешение от собственных страданий во имя счастья грядущих поколений».

* * *

Кого не приведет в восторг словесная музыка мысли. Вместе со своим литературным героем Валентин Саввич шел по Невскому проспекту, читал наизусть стихи русского поэта Дмитрия Дмитриевича Минаева.

Счастливым быть не всякий мог,
Но в каждом сердце человека
Найдется темный уголок,
Где затаились слезы века...

Почему он писал о Минаеве, несчастном в любви, с тысячью литературных врагов, утомленном одиночеством?

Может быть, хотел сказать: не губите талант человека. А этому человеку прозаические слова были не нужны. Он сам помогал несчастным своим поэтическим словом:

Обстоятельствами суженный
Изменил вам, Даша, суженый,
Не забудьте вы о суженом —
Ждет шампанское вас за ужином.

И не разобрать, то ли Минаев, то ли сам Валентин Саввич написал: «О, если бы женщины всегда могли соображать, какой свет, но зато и какой мрак могут они вносить в жизнь человека!»

И спустя годы жилая площадь поэта, когда его не стало, была отмечена памятной доской.

* * *

Давно вы были в Русском музее? Останавливались ли у полотна, на котором «обнаженная высокая женщина с перстнями на пальцах рук и ног всходила на шаткое ложе, как на заклание». Эти строки Валентин Саввич написал, побывав в музейных залах на площади Искусств, увидев образ петербургской Сары Бернар.

В театре, что на этой же площади, Комиссаржевская готовила к постановке пьесу Уайльда «Саломея». Заглавную роль должна была играть Ида Рубинштейн, «пластичная, сладострастно-окаменелая грация Востока».

И вот когда Париж был сыт «Русскими сезонами», русской живописью, русской музыкой, русским пением — грянул русский балет с Идой Рубинштейн. И ее увидел в Париже Валентин Александрович Серов. Увидел в «Клеопатре». Увидел «архаический барельеф». И стал рисовать ее обнаженной в полутемном прохладном храме Шатель. Работал матовой темперой. Только перстни чуть подцветил маслом. Через цветные витражи храма лился полусвет. В обширном пространстве художник стремился не выбить образ из света.

Серовскую «Иду» видели Рим, Москва, Петербург. Этот портрет ругали поначалу критики и специалисты. Постепенно все разом переменялось. Портрет стал классикой русской живописи.

Валентин Саввич записал: «Женщиной, прошедшей по жизни раньше тебя, иногда можно увлечься, как будто она живет рядом».

Слабый художник всегда топчется на месте, сильный — рвется вперед. Скажем за эти слова Валентину Саввичу спасибо.

* * *

Осенью 1837 года в таверне древнего ганзейского Любека сидел молодой человек. Звали его Рихард Вагнер. Он дочитывал в потертом журнале легенду о корабле-призраке, который мотался по волнам и никак не мог достичь заветного берега.

Вагнер писал музыку, наполненную более громким звуком труб и литавр, чем нежным голосом скрипок. Таково было его время. Таковой была его музыка, зовущая на баррикады. Но не всем она нравилась.

Как писал Пиккуль, «в музыке, как и в жизни, тоже существует подлость и крохоборство». Композитор, как и писатель, возводил мосты через болота злодейства в счастливые миры человеческого духа.

Хорошо известно, что директору театра, как и многим руководителям, нужны сговорчивые, порой глупые люди, чтобы не подвергать себя критике вышестоящих начальников.

Переехав в Дрезден, Вагнер познакомился с революционером Михаилом Бакуниным, который убеждал композитора в том, что «если государство отвергает талант, если власть делает художника зависимым от капризов бюрократии... такое государство должно быть разрушено».

* * *

Пиккуль любил цитировать А. С. Пушкина. Напоминать о славном, героическом прошлом в русской истории. Напоминать об укреплении рубежей государства на Балтике и Черноморье. Напоминать строки поэта: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие!»

Писатель вводил читателя во времена Анны Иоанновны — в 1736 год. Когда русские легионы фельдмаршала Миниха выступали в поход на Крымское ханство.

Иностранные генералы в русской армии полагали, что «кровь солдата на Руси дешевле чарки вина». А на крымских подступах пылала солнцем голая степь и мучило безводье. Сколько костей русских воинов скрыто на степных подступах к Перекопу, возле Ор-Капу, у ворот в ханскую Орду.

И в той дикой бойне за Крым немало полегло русских солдат. И вот в дыму и пламени на вал пробился первый русский солдат, совсем еще мальчишка, четырнадцатилетний воин Василий Михайлов.

Запомним: в 1736 году русский человек вошел в Крым воином, а не рабом.

Солдат Василий Михайлов воевал в рядах русской армии в разных войнах, в битвах за Берлин, в сражениях с ордами хана Крым-Гирея. Он был из рода Долгоруких, солдат Василий Михайлов, а этот род знатен верной военною службою. Василий Михайлов не раз был изранен, но фронт не покинул, заслужил чин генерал-поручика, сумел взять Перекоп, Бахчисарай, Феодосию. Алушту...

«Я солдат, — с гордостью говорил о себе Михайлов, — в чернильной купели не купан, с острия пера не вскормлен, казенной бумагой не пеленат... Я прост, как ружейный багинет».

В 1842 году, как писал Пикуль, в Симферополе «солдату Василию Михайлову был сооружен памятник. Как открывателю лучезарного Крыма для России, памятник не сохранился. Зато остался в Москве дом его, где размещалось московское „Благородное собрание“, а позже — Колонный зал Дома Союзов».

* * *

Медицина, театр, литература в некие времена функционируют как замкнутая корпорация, куда посторонние не допускаются. Об этом Валентин Пикуль писал в одной из своих исторических миниатюр.

Ведь медицину, театр и литературу роднит знание анатомии, антропологии.

И в медицине широко известно имя талантливого русского хирурга Ильи Васильевича Буяльского, которому присваивали почетные звания университеты Кембриджа, Берлина, Филадельфии, а в России ему дали лишь должность консультанта Мариинской больницы, без жалованья.

В 1837 году, когда в доме на Мойке умирал Пушкин, вместе с другими врачами у постели поэта был хирург Буяльский. И хорошо известно, что такое ранение, которое было у Пушкина, чаще всего кончается смертью.

Всегда и везде Буяльский доказывал, что в основе русской национальной хирургии стоит человеколюбие. Более полувека он верно служил медицине. Скончался в декабре 1866 года, погребен на Охтинском кладбище в Петербурге.

* * *

Встречали ли вы в живописи такие работы, которые посвящены дипломатии? Этим вопросом задался Валентин Саввич в миниатюре «Две старые картины».

Когда Наполеон сжег Москву, то долго находился в ожидании, надеясь получить из российской столицы письмо о заключении мира. Письма не было. И тогда французский император решил двинуть войска на Петербург.

Наполеон намеревался возродить Казанское ханство, на Дону — казачье королевство, раздробить Россию.

Но Россия с потерей Москвы не была побежденной. Наполеон, посылая дипломата в Петербург, хотел добиться мира на любых условиях, чтобы спасти свою честь.

...Взгляните повнимательнее на картину В. В. Верещагина «Мир во что бы то ни стало»...

* * *

Любопытные люди были всегда и везде. Были они и в парижском предместье Сен-Жак.

Как известно, войны горячие начинаются с войн холодных. Экономические войны — с политических. А за экономическими войнами следуют реальные боевые действия.

Но до начала боевых действий в бой вступают денежные ассигнации. Тайные типографии уже где-то печатают миллионы фальшивых денег, которыми оплачиваются оппозиции, «троянские кони», «пятые колонны», засылаемые в стан врага.

Да, как писал Валентин Саввич: «деньги иногда стреляют».

* * *

Врача Григория Антоновича Захарьина, как писал Пикуль, при приеме пациента интересовало все: какая у больного семья, куда выходят окна его комнаты, что он ест утром, что вечером, на каком боку спит, что пережил в прошлом, как мыслит свое будущее...

И пациент, рассказав врачу все, как на исповеди, выслушивал его совет очень внимательно, ибо совет разумного человека гораздо лучше рецепта худого врача.

Врач Захарьин в основу диагноза ставил личный контакт с пациентом. А уж потом анализ должен был либо подтвердить, либо опровергнуть выводы, к которым он пришел при беседе с больным.

Лечить надобно, утверждал Захарьин, всего человека, а не отдельно сердце, печень, легкие...

Постепенно внешняя среда толстосумов научила его брать высочайшие гонорары за визиты.

Время строго судит человека, отделяя дурное от доброго. Захарьин умер в одиночестве. Его опыт и трагедия учат современников.

* * *

Пикуль писал о Морском корпусе на берегу Невы. Писал о морских офицерах, которые в 1871 году примкнули к народовольцам. Те, кто по разным бытовым причинам сидел в камерах корпусного карцера, читали Лассаля, Чернышевского, Герцена... Начитанных гардемаринов тянуло к бунтарству, тянуло в народ, тянуло к товарищам из пехотных и артиллерийских училищ.

Вскоре на вольнодумцев донесли куда следует. Прошли аресты. Адмирал Краббе пригласил к себе всех арестованных поодиночке. Вначале он ласково беседовал с каждым, угощал чаем с печеньем. Затем к арестованным пришли жандармы. На допросе Краббе, как мог, защищал своих моряков. Спасая допрашиваемых, Краббе спасал свою адмиральскую карьеру.

Но первый политический кружок на флоте, в Морском корпусе на берегу Невы, дал миру храбрых мичманов, лейтенантов, капитанов. И лишь один минный офицер, друг революционера Желябова, Веры Фигнер, был расстрелян в Кронштадте в марте 1882 года. А его матери, жившей в Риге, жандармы вернули только карманные часы...

* * *

Помнить людей, работавших на благо культуры, — значит жить ради пользы отечества. Помнить людей, работавших с русским словом, — значит уважать героическое и трагическое былое нашего прошлого. Слово — дело серьезное. С ним надо обращаться осторожно, как с оружием, которое заряжено. Заряжено проверенным, пережитым, проникновенным словом Валентина Пикуля.

«Я написал много романов, отмечал он, написал и забыл о них. Но роман „Реквием каравану PQ-17“ всю мою жизнь будет оставаться „романом на рабочем столе“... ибо это моя юность... она и сейчас еще живет во мне».

Валентин Пикуль не только писал: «я попросту русский человек» с всепоглощающей страстью к русской истории, он был таким в делах и в жизни. Был уверен в том, что отсутствие исторических знаний оставляет народ без умного руководства. Полагал, что культура нации начинается с бережного отношения к архивам художников, композиторов, литераторов.

Валентин Пикуль отмечал: «Есть в моей библиотеке книги просто уникальные, которые я не имею права после своей смерти оставить кому-то. Я обязан их завещать государству. Это очень редкие книги».

Вдова писателя, Антонина Ильинична Пикуль, на протяжении трех десятков лет бережно сохраняет в Риге богатейший архив Валентина Саввича, который содержит около 10 тысяч книг по вопросам культуры и истории на русском и иностранных языках, а также обширный каталог с уникальными сведениями о героях его произведений: 800 портретов, фотографий, гравюр.

Государственные и политические деятели РФ, близкие друзья Пикуля пытались и пытаются перевезти архив писателя-фронтовика в Россию, однако до сих пор положительных подвижек не наблюдается.

Были попытки перевезти часть архива в Санкт-Петербург, в помещение бывших Крюковских казарм, Матросского клуба Ленинградской морской базы, однако не получилось. Там расположился Военно-морской музей.

Время от времени появляются почитатели и состоятельные знакомые Пикуля из США, Финляндии, желающие принять архив и библиотеку писателя.

Неужели наследие выдающегося русского писателя-фронтовика переедет на Запад и будет использовано в антироссийском направлении?